

Д м и т р и й
Д а н и л о в

Семёнов

Надо было ехать.

И Семёнов, кряхтя, мотая головой и подвывая, поехал. Попетлял на своей огромной машине с длинным прицепом по туманным, кирпичным, заброшенно-одинаковым улочкам и вырулил на кольцевую. Раннее утро, и машин мало. Пять полос в каждую сторону. Разогнался. Потом свернул на Ярославское шоссе — тоже широкое, разгульное. Машина своим неаэродинамичным рылом упиралась в ветер. Проносились деревья, механизмы, строения. Семёнов катился.

Пару дней назад позвонил кто-то неизвестный, представился представителем организации, название которой Семёнов не расслышал, и сообщил, что у него, Семёнова, умер дальний родственник или родственница. И что Семёнову надо приехать (была названа одна деревня в Архангельской области) и принять участие в подобающих смертельных мероприятиях. И что даже как будто бы речь может идти о каком-то наследстве, может быть. Возможно. Но надо обязательно приехать.

Мысль о том, что у него могут быть родственники, показалась Семёнову удивительной. Сколько он себя помнил (а помнил он себя лет с десяти), родственников или родственниц у него не было. С матом, плевками и оплеухами его воспитывали какие-то случайные, бессмысленные люди, потом бросали, отдавали другим людям, таким же случайным и бессмысленным, и они, матерясь и рыгая, продолжали воспитывать Семёнова. Иногда сквозь туман вынужденных опекунов проступало тяжелое педагогическое лицо государства. Благодаря такому воспитанию Семёнов научился бегло складывать и вычитать в уме любые суммы денег, читать вывески

и надписи на этикетках, а также одним ударом ноги убивать не очень большое домашнее животное или наносить телесные повреждения средней тяжести не слишком сильному человеку.

В результате сцепления предсказуемо-случайных обстоятельств Семёнов, как сказали бы лет пятьдесят назад, «выучился на шофера», а если использовать более современные выражения, стал водителем. Постепенно повышая свою квалификацию, Семёнов получил все категории от В до Е. Теперь он мог управлять полным спектром движущихся колесных устройств: от крошечных, разваливающихся на ходу экипажей вроде «Оки» или «Таврии» до двухэтажных автобусов и ужасающе длинных автопоездов.

К описываемому моменту Семёнов прочно утвердился в роли так называемого дальнобойщика, то есть водителя грузового автомобиля с полуприцепом, предназначенного для перевозки физических объектов на дальние расстояния. Объекты попадались, в основном, круглые, полосато-зеленые — арбузы. За сезон неустанных перемещений с севера на юг и обратно Семёнов с риском для жизни зарабатывал кучу денег. В остальное время, с поздней осени до лета, он сидел, неподвижно уставившись в рисунок на обоях, и отгонял ногой перекатывавшиеся около дивана пустые бутылки.

Промелькнули Мытищи, поворот на Королев, и Семёнов привычно заснул. Для него это было обычным делом. Во сне Семёнов продолжал следить за дорогой, останавливался на красный свет, лихо обгонял медленно ползущие повозки, тормозил у постов ГАИ, предъявлял права, давал взятки, торгуясь. Во сне для него все было как-то гармонично, уверенно. Все было возможно, даже перелететь слишком утомительную пробку или устроить себе благоприятную для езды погоду.

Проснулся за Ростовом Великим и некоторое время ошалело пялился по сторонам. Руль выпал из дрожащих рук. В периоды бодрствования Семёнов старался остановиться около придорожной забегаловки. Там он покупал чистое, без примесей, мясо, и, сидя в кабине, долго жрал, вытирая жирно-сочные руки об лицо, глаза, голову. Так и сейчас: остановился, купил, пожрал, поехал, заснул.

Ехал не спеша, обстоятельно. Подолгу застревал на огромных дальнобойных стоянках, пил, ругался, дрался, мирился и опять пил с коварными, готовыми убить и погибнуть кавказскими коллегами. Задушевно, сквозь сонный туман беседовал с милиционерами о правилах движения, о дорожных знаках и символах.

Чтобы гаишники не слишком донимали, на лобовом стекле была табличка «Пустой». Ведь Семёнов не вез никакого груза, только себя, вперед, на Север, к неясным похоронно-наследственным приключениям. Да и сам он был в эти дни какой-то пустой, отсутствующий, без постоянных мыслей, пребывающий в настоящем моменте. Впрочем, так было всегда. Но гаишники все равно донимали, тормозили, досматривали, искали какой-то скрытый смысл в беспросветных углах кузова. Потом брали деньги, отпускали, и Семёнов ехал.

Двое суток просидел в помещении поста ГАИ, слушая, как пожилой усатый милиционер играет на азиатском щипковом инструменте заунывно-прекрасную, бесконечную музыку. В своей постоянной полудреме Семёнов уплывал куда-то, парил над полями, лесопосадками и населенными пунктами Родины и других, несуществующих стран. Милиционер, закрыв глаза, покачивался, впав в однотонное, ненарушимое состояние. Мимо с воем проносились машины, перевозящие в своих кузовах и багажниках запрещенные грузы: фальшивые деньги, взрывчатку, оружие и возбуждающие вещества.

Наконец Семёнов приблизился к конечному пункту своего неторопливого путешествия. Свернув с трассы, долго продирался по просеке, увязая в древних колеях, почти опрокидываясь и все же сохраняя равновесие какими-то нефизическими силами. И вот.

Как бы деревня, скопление деревянных домов. Лишь один из них был относительно целым, сохранив свою прямоугольно-треугольную форму. Казалось, что там, внутри даже горит свет. Это был именно тот дом, до которого и добирался Семёнов. Остальные — сгоревшие, полуразобранные, развалившиеся. Чуть поодаль виднелись каменно-кирпичные пятиэтажные нагромождения — такое иногда называют «поселком».

Семёнов вылез из машины. Не спалось. Решил сходить сначала в «поселок», осмотреться.

В «поселке» было безлюдно. Дома казались покинутыми — практически без стекол, подъезды зияли черными провалами. На дороге, которую можно было бы даже назвать «улица», тут и там валялись лопаты, мастерки, ломы, кирпичи. К выщербленной стене устало прислонился отбойный молоток. Словно бы когда-то здесь добывали какое-то полезное ископаемое, а потом это ископаемое стало вдруг бесполезным или просто запасы его иссякли, и люди, побросав орудия труда, ушли гурьбой в более экономически счастливые места. Семёнов отупело брел.

Показалась площадь — когда-то асфальтовое пространство между четырьмя квадратом стоящими домами, один из которых — со следами нищенской торжественности. На флагштоке мотался грязный, оборванный флаг диких расцветок — будто здесь размещалось посольство или генеральное консульство какой-нибудь маленькой западноафриканской страны. Посреди всего этого стоял памятник. Понять, кому именно, было трудно — у памятника не было головы и рук. И не было видно следов отлома — торчащей железной арматуры, неровностей. Просто вот такой монумент — памятник неизвестному туловищу. В своей безголовости и безрукости он был как-то странно гармоничен и завершен, и, наверное, таким и был задуман безвестным скульптором. По наличию у памятника рельефных пиджака, жилета и галстука Семёнов определил, что это, должно быть, Михайло Ломоносов, знаменитый уроженец орденоносной Архангельской области, автор забавных од и безумного сочинения о химии, далеко простирающей свои отвратительные щупальца.

Завывал ветер, и Семёнов стоял. Из-за угла вдруг выскочил небольшой мальчик, подталкивающий палкой катящийся перед ним по земле обруч. Мальчик сосредоточенно-невидяще бежал через площадь, не обращая внимания на Семёнова и вообще ни на что не обращая внимания и взора. Семёнов попытался заорать. Мальчик бежал. Хилое северное солнце облучало мальчика, образуя на пыльном асфальте

страшную бегущую тень, бесконечно подгоняющую палкой бесконечное, невыносимое колесо.

Тень и ее мальчик скрылись в щели между домами. Семёнов автоматически, ничего не сообщая, поплелся в «деревню», к своему наследству, к смерти родного неизвестного существа.

В домике, который сразу заметил Семёнов, действительно горел свет. Изнутри доносились какие-то смутные звуки. Семёнов с опаской вошел.

Внутри было странно, нехарактерно для нормальной избы. Все перегородки (если они когда-нибудь существовали) были сломаны, и дом представлял собой единое, довольно большое пространство. Не было даже печи, зато имелся белый итальянский электрический обогреватель. Все это напоминало студию эксцентричного модного художника, работающего в урбно-деревенской стилистике.

На табурете в углу сидел древний, замшелый дед, смотрящий перед собой в пол. Он играл на баяне какую-то закольцованную, однообразными циклами переходящую в саму себя невеселую, народно-пьяную мелодию. Семёнов издал неопределенно-зовущий звук, «эй», «э», или «йы-ы», но старик продолжал играть, вернее, совершать механические движения, совокупность которых приводила к извлечению звуков в определенной последовательности.

У окна стояло что-то вроде скамьи, и на этом чем-то лежало, судя по всему, тело человека. Семёнов подошел. Тело было завернуто в какое-то тряпье. Было видно, что смерть уже наступила. И, скорее всего, довольно давно — тело успело как-то засохнуть и мумифицироваться. Было трудно определить пол и возраст: то ли старичок, то ли старушка, то ли просто рано помудревший от тяжелого опыта молодой, нестарый еще человек.

На столе, стоящем между скамьей и механическим баяном, возвышалось что-то прямоугольное, обернутое серой бумагой. Предмет занимал практически всю поверхность небольшого стола. Сверху был приклеен листок бумаги: «Посвящается Семёнову Николаю Степановичу, такого-то г.р., проживающему по адресу: г. Москва, такой-то проезд, д. такой-то, кв. такая-то. Паспорт серия такая-то,

№ такой-то. Выдан таким-то о/м г. Москвы тогда-то. От любящих родственников. Коленька, родной. Вечная память». Текст был отпечатан на лазерном принтере.

Пробовал как-то растормошить деда, толкал его, ругался. Дед покачивался, после особо сильных тычков прекращал играть, но через мгновение возобновлял свое вечное, тысячелетнее музицирование.

Семёнов осторожно распаковал сверток. По столу и полу рассыпались прямоугольные, аккуратные, со множеством степеней защиты, деньги.

Долго считал, пересчитывал, сбивался, начинал считать сначала, перекладывал стопки, отмечал на бумажке обгрызленным карандашом тысячи, десятки, сотни тысяч.

Два миллиона сто семьдесят четыре тысячи четыреста долларов США.

Семёнов встал, походил, снова сел. Сразу много вопросов свалилось на него. Откуда эти деньги? Кто эти родственники? Кто лежит на скамье? Кто этот механически-музыкальный дед? И какое они оба имеют отношение к нему, Семёнову? Что ему делать с этими деньгами? Сможет ли он с такой суммой проехать хотя бы один милицейский пост, хотя бы одну дальнюю стоянку? Что он купит на эти деньги? Надо ли положить их в банк, или хранить дома, или обменять на рубли, или быстро потратить, пропить, раздать? Просто оставить здесь? Что делать? Куда бежать?

И не то что бы он не находил ответов. Просто эти вопросы не предполагали никаких ответов вообще и теперь вращались вокруг Семёновской головы, как тяжелые чугунные шары.

Семёнов присел у стены на корточки. Семёнов опустил голову на грудь. Семёнов обхватил свою голову обеими руками (таким жестом футбольные вратари прижимают мяч к груди) и завыл.

В окошко было видно, как вялое солнце садится в деревья, в древесную массу. Тело лежало на скамье, Семёнов выл, а дед все играл и играл свою безначальную, рвано-дисциплинированную, кольцевую песню.

